

А. А. Карамова

ОЦЕНОЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

В статье рассматривается одна из основных особенностей политического дискурса — оценочность. В частности, говорится о структурной специфике социально-политической оценки. С целью её детерминации в системе оценочных значений выявляются и описываются особенности всех структурных компонентов: основания, объекта, субъекта, характера.

Ключевые слова: политический дискурс, социально-политическая оценка, структура социально-политической оценки, основание оценки, объект оценки, субъект оценки, характер оценки.

A. Karamova

Axiology of Political Discourse: Structural Features of Social and Political Evaluation

The article examines evaluation, one of the most significant features of political discourse. The structural specificity of socio-political evaluation is highlighted. For its determination within the system of evaluative meanings, the features of all its structural components, i.e. of foundation, object, subject, nature, are revealed and described.

Keywords: political discourse, socio-political evaluation, socio-political evaluation structure, evaluation foundation, object of evaluation, subject of evaluation, nature of evaluation.

Известно, что оценочность — одна из наиболее показательных характеристик политического дискурса (ПД). Предпримем попытку дальнейшего обоснования высказанной ранее мысли о том, что в сфере ПД функционирует оценка особого типа — социально-политическая оценка (СПО) [5].

Под социально-политической оценкой мы понимаем положительную или отрицательную характеристику предмета социально-политической сферы, производимую с точки зрения соответствия/несоответствия его ценностной (идеализированной) картине политического мира.

Целесообразность выделения СПО в ряду других типов оценок подтверждается её спецификой, проявляющейся в первую очередь на уровне структуры. Известно, что оценочное значение структурировано. Оно имеет в своём составе основание, объект, характер, субъект [4 с. 163]. Рассмотрим особенности структурных компонентов СПО.

Основание СПО. Основание оценки (то, с точки зрения чего оценивается предмет) является классифицирующим признаком частнооценочных значений [1, с. 198–199; 2, с. 111]. СПО как частная оценка сближа-

ется с такими типами оценок, как этические: *политикан, конъюнктуристик, прихватизация*; утилитарные: *тоталитаризм, диверсия (экономическая)*; нормативные: *кризис (экономический), стагнация, девальвация (рубля)*, телеологические: *убыточность, нерентабельность (предприятия)* и т. д. Эти типы выделяются с точки зрения их основания (этического, нормативного, утилитарного, телеологического). Вместе с тем отождествлять социально-политическую оценку с названными типами, растворять её в имеющейся классификации нецелесообразно по той причине, что СПО имеет определённую сферу действия.

Например, *нерентабельным, бездоходным* может быть только объект из сферы экономики, *стагнация* характеризует только политическую и экономическую сферы. Но наиболее показателен в этом плане адгерентный общественно-политический словарь, политическое значение которого обусловлено контекстом (в отличие от ингерентного). Оценка приобретает социально-политический характер, как только контекст вовлекает её в соответствующую сферу, направляя на соответствующий объект: *атрофия (органов) — атрофия (власти), эффективные (методы борьбы с сорняком) — эффективные (методы экономики), кризис (болезни) — кризис (экономики)*.

Но это не значит, что предмет — единственный классифицирующий компонент СПО, ведь это привело бы к невозможности детерминации СПО в классификации частных оценок. Основания СПО, сближаясь с другими известными основаниями, не тождественны им. Телеологические, нормативные, этические основания в структуре СПО усложняются, приобретают общественно-политическую окраску.

Рассмотрим, например, слово *политикан*, имеющее значение «беспринципный политический деятель, а также вообще ловкий и беспринципный делец» [7, с. 553]. Слово выражает отрицательную этическую оценку, отражённую компонентом 'бесприн-

ципный'. Само прилагательное *беспринципный* имеет значение «лишённый каких-нибудь определённых принципов, моральных устоев» [7, с. 45]. Но общечеловеческие принципы и моральные устои несколько различны в сфере политики и в обыденной жизни. В политике к таким принципам относятся: политическая корректность, национальная и религиозная толерантность, честность и прозрачность политических действий, борьбы за власть, уважение к интересам политических противников и т. п. Например: *А. Масхадов: «Я давно хотел отпустить бороду. Но не могу представить себя рядом с теми бородачами, которые из шариата пытаются сделать себе рекламу. А сегодня, когда я полностью перехватил инициативу создания в Чечне исламского государства, не думаю, что простые чеченцы поставят меня в один ряд с этими политиканами* (Московский комсомолец. 1999. № 11). Беспринципность в политике попирает интересы государства, права, общества, политического противника и т. п. Следовательно, оценка, выраженная словом *политикан* 'беспринципный политический деятель', имеет сложное, составное основание, которое можно определить как «этическое + политически релевантное» (или «социально-политическое этическое»).

Таким образом, специфика основания СПО заключена в его сложности. Мы не должны отождествлять это основание с другими, признав отсутствие «собственного». Любая оценка, направленная на объект общественно-политической сферы, усложняется, приобретает соответствующую окраску, её основание перестаёт быть только этическим, нормативным, утилитарным и т. п. Поэтому, на наш взгляд, имеет смысл говорить об особом типе основания — социально-политическом (социально-политическом этическом, социально-политическом телеологическом и т. п.).

Объект СПО (то, что оценивается) имеет чётко очерченные границы. Это могут

быть только те предметы, которые имеют (пусть даже в некоторой мере) общественно-политическую значимость, актуальны для социальных сфер человеческой жизни. На наш взгляд, такими объектами являются:

- формы, способы государственного устройства — *тоталитаризм, реакция, охлократия* и т. п.;

- общая политика государства: «*перестройка*», *клетократия, режим (ельцинский, путинский)* и т. п.;

- экономическая политика — *экономический(-ая) кризис (развал, спад, коллапс, депрессия), пауперизация, экономический(-ая, -ое) рост (стабильность, благополучие)* и т. п.;

- международная политика — *гегемонизм, оккупация, экспансия, ксенофобия* и т. п.;

- политические и общественные движения, партии — *партия власти (аппарата), неофашизм, коричневые, жириновцы* и т. п.;

- политическая власть — *власть имущие (предержащие), сильные мира сего, истеблишмент* и т. п., в том числе конкретная политическая власть: *сталинщина, Ельцин и его команда, команда Путина* и т. п.;

- политические деятели — главы государства — *тиран, диктатор, вождь мирового пролетариата* и т. п.; политические фигуры — *патриот, конъюнктурщик, политическая проститутка* и т. п., известные политические личности — *березовские, ВВП, Жирик, Зюгановы* и т. п.;

- политические выборы — *предвыборная гонка, прессинг, манипуляция общественным сознанием* и т. п.;

- силовые структуры государства — *страж порядка, герой невидимого фронта, «горячая» точка, акция неповиновения, ГКЧП, незаконное вооружённое формирование (НВФ), бандформирование* и т. п.;

- идеологические структуры государства (средства массовой информации) — *свободное информационное пространство, четвёртая власть, ангажированные (продажные, подконтрольные) СМИ, жёлтая пресса* и т. п.;

- социальное состояние общества — актуальные понятия и явления современности: *криминализация государства, коррупция, правовой беспредел, демографический подъём (прогресс, взрыв), демографический(-ая) кризис (катастрофа)* и т. п.; социальная стратификация общества — *средний класс, новый русский, зажиточная часть населения, денежные мешки, малоимущие слои населения, бомж* и т. п.; гражданские профессии, характеризующие определённую эпоху или определённый социальный строй — *трудоустроенный мигрант, гастарбайтер, бизнесмен, спекулянт, папарацци* и т. п.;

- национальный вопрос — *национализм, шовинизм, русофобия, геноцид, белый, чёрный, цветной, Холокост, национальное меньшинство* и т. п.

Как видно, предмет СПО, с одной стороны, отличается своим многообразием: это может быть человек или группа лиц; его (их) поступки, действия, взгляды, побуждения; понятия, события, факты, состояния, временные отрезки, государства, официальные учреждения и т. п. (Сравните: предметом этической оценки является человек, его поступки; предметом вкусовой оценки являются продукты, пригодные для питания). С другой стороны, предмет СПО ограничен рамками общественно-политической сферы. Это — не просто человек, а человек в политике; не обычные события, факты, а общественно значимые; не любой отрезок времени, а исторически важный и т. п.

Таким образом, на уровне объекта специфичность СПО определяется ограниченностью сферы её действия при многообразии направленности. Объект СПО имеет классифицирующую значимость в той мере, в какой он «окрашивает» основание СПО, связывая его с определённой сферой.

Субъект СПО (то, кем оценивается предмет) — в подавляющем своём большинстве не отдельное лицо, а часть социума либо социум в целом. Оценка, высказанная отдельным человеком в политике, —

это чаще всего выражение коллективной позиции определённой партии, группы.

Это согласуется с особенностями политической коммуникации. Известно, что «политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит... между представителями одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т. п.) и представителем другого социального института или «гражданином», «избирателем»» [8, с. 55]. Даже в той ситуации, когда речь идёт о борьбе отдельных политиков за верховную власть, нецелесообразно говорить о личном дискурсе. Ведь любой кандидат в президенты — это также представитель определённой партии, он будет действовать, осуществлять коммуникацию, давать оценки в рамках идей, политики этой партии. Победа в президентских выборах — это не только победа отдельно взятого политика, это победа всей партии. Неслучайно поэтому одним из наиболее активных языковых средств политического дискурса (и предвыборного, в частности) является *мы*-инклюзивное, о различении которого, наряду с *мы*-эксклюзивным, указывал Э. Бенвенист [6, с. 82–84]. Претенденты на пост главы государства, представляя свои предвыборные программы, провозглашая свои идеи, говоря от первого лица, постоянно при этом соотносят себя со своей партией, с группой единомышленников. Здесь *мы* имеет значение «я плюс моя партия; я голосом моей партии»: *Мы*, безусловно, и дальше будем продолжать работу по развитию так называемого человеческого капитала (Д. А. Медведев. 2008); *Мы* признаём совершённые в прошлом ошибки и не снимаем с себя ответственности за них (Г. А. Зюганов. 2008); *Здоровье и образование россиян должно быть бесплатным. Тех, кто хочет заработать на этом, предупреждаем: мы вам этого не позволим!!!* (В. В. Жириновский. 2008); *Для того, чтобы вернуть доверие к демократической идее, нам просто*

необходимо привлечь новых сторонников: молодых, энергичных, успешных людей (А. В. Богданов. 2008). В представленных примерах (где речь идёт о выборах президента РФ 2008 г.) *мы*-инклюзивное служит для выражения институциональности. (Следует заметить в связи с этим, что *мы*-инклюзивное многозначно [3, с. 316; 6, с. 82–84]).

Думается, целесообразно поэтому говорить о *я*-инклюзивном, где *я* также означает «я плюс моя партия; я голосом моей партии».

При этом инклюзивное значение *я* может быть эксплицировано в контексте посредством местоимения *мы*, названия партии: *Отдельное внимание я собираюсь уделить армейской тематике. Ещё в рамках думской кампании ДПР выступила с предложением о введении добровольного единовременного воинского налога для граждан призывного возраста, не желающих служить в армии... мы намерены продвигать данную инициативу дальше* (А. В. Богданов. 2008) (*я* — это ДПР, это *мы*); *Я всегда выступал за бедных, но мы не против богатых* (В. В. Жириновский. 2008) (*я* — это *мы*); *Я и возглавляемая мною ЛДПР трижды за 15 лет спасали страну от государственного военного переворота* (В. В. Жириновский. 2008) (*я* и ЛДПР; здесь *я* не противопоставлено ЛДПР, а рассматривается как часть ЛДПР).

Инклюзивное значение *я* может не эксплицироваться: *Здесь коллеги говорили о том, что есть две позиции, два возможных пути развития неправительственных организаций, некоммерческих организаций... Этот путь мне, конечно, представляется самым перспективным и самым сложным* (Д. А. Медведев. 2008); *Я восстановлю право каждого молодого человека на бесплатное образование, в том числе и высшее* (Г. А. Зюганов. 2008); *Я отстаиваю социальные интересы граждан России* (В. В. Жириновский. 2008).

Конечно, было бы несправедливым говорить об абсолютно обезличенном характере

ПД. Политик тем и интересен гражданам, что индивидуален. Известно, что электорат в своих предпочтениях руководствуется по большей части симпатиями к политику как к человеку (с определённым уровнем образованности и интеллектуальных способностей, со сложившимся мировоззрением, с необходимым набором нравственных принципов и т. п.). С целью формирования представления о себе как о личности претендент часто говорит только от своего лица. Поэтому, конечно, в текстах ПД (в большей или меньшей степени у разных субъектов политической коммуникации) актуализируется и основное языковое значение местоимения я — «говорящий»: *К сожалению (и я это вынужден констатировать как человек, который давно занимается правом), таким уровнем пренебрежения к праву не может «похвастаться» ни одна другая европейская страна* (Д. А. Медведев. 2008); *У меня есть жизненный опыт, на который можно опираться, предлагая собственные пути развития стран* (А. В. Богданов. 2008); *Я — единственный из политиков России, кто рекомендовал Президенту страны В. Путину оперативно применить спецсредства, штурмом взять ДК на Дубровке в 2002 году и освободить заложников* (В. В. Жириновский. 2008).

Таким образом, преимущественно институциональный (а не личностный) характер политической коммуникации предопределяет специфику её субъекта, а также субъекта СПО. Коллективный характер субъекта оценки выражается посредством инклюзивного значения местоимений первого лица: *Я уверен: у современной России есть все возможности стать благополучным, успешным государством* (Д. А. Медведев. 2008); *Мы признаём совершённые в прошлом ошибки и не снимаем с себя ответственности за них* (Г.А. Зюганов. 2008).

Характер СПО. СПО может иметь абсолютный характер, имплицитно выраженный, когда субъект, квалифицируя объект, мысленно соотносит его непосредственно с

идеалом (с «положительным добром», с идеализированной картиной мира, с ценностной картиной мира), с целью установления соответствия этому идеалу, вне сравнения с другим объектом. Например: *Новым президентом страны должен быть политический лидер, имеющий **внятную и позитивную идеологию действий*** (Известия. 2008. № 20); *На наших глазах террористы **развязали масштабную гражданскую войну, нагло вторглись в Дагестан, взрывали дома в российских городах*** (В. В. Путин. 2008).

Сравнительный характер оценки означает, что оценивание производится не путём непосредственного мыслительного соотношения предмета с идеалом, установления соответствия/несоответствия ему, но через сравнение с другим предметом.

Эксплицитное выражение сравнительного характера СПО принадлежит, как и у других оценок, компаративу. При этом наибольшую частотность в употреблении обнаруживают формы прилагательного:

*Но хочу особо подчеркнуть и хочу, чтобы все это поняли: темпы инновационного развития должны быть кардинально **выше тех, что мы имеем сегодня*** (В. В. Путин. 2008). Оценка, выраженная синтетической формой сравнительной степени прилагательного, употреблённого с глаголом долженствования (*должны быть выше*), направлена на «желательные темпы инновационного развития» (в сравнении с «имеющимися сегодня»).

*Планируется срочно урезать бюджет и перевести всю науку, культуру, образование и спорт в разряд автономных организаций, которые будут вынуждены выживать за счет платных услуг. Что это, как ни новая приватизация и монетизация, вместе взятые? Причём по своим социальным последствиям это будет еще **более страшная акция*** (В. В. Жириновский. 2010). Оценка, выраженная аналитической формой сравнительной степени прилагательного *более страшная*, выводится из сравнения предме-

та оценки — «планируемой акции» с другими предметами — «акциями приватизации и монетаризации».

Значение сравнительной оценки может выражать форма превосходной степени сравнения: *Россия должна стать лучшей по возможностям для карьерного роста, для значительного повышения социального и материального статуса в течение жизни — лучшей в поощрении таланта и успеха.* (В. В. Путин. 2008). Оценочное прилагательное *лучший* даёт положительную характеристику (долженствующую: *должна стать*) предмету — «России»; объект, через сравнение с которым производится оценка, имплицитен («другие страны»). *1993 год, Конституцию нужно принимать, потому что прежняя была приостановлена. Самую чёткую позицию в поддержку новой Конституции занимает только ЛДПР.* (В. В. Жириновский. 2010). Оценивается «позиция ЛДПР», контекст указывает на сравнительный характер оценки: *только ЛДПР* (ограничительно-выделительная частица привносит оттенок, предполагающий выделение объекта из ряда однородных — «других партий»).

Анализ языкового материала демонстрирует, что имеет смысл говорить и об иных способах выражения сравнительного характера СПО. Существительные, глаголы, не имеющие форм сравнения, а также прилагательные в положительной степени сравнения могут выражать сравнительную оценку.

Роль экспликации сравнительного характера оценки может принадлежать сравнительным оборотам с союзом *как* (*будто, словно*). Например:

...17 миллионов человек в стране ничем не заняты. И на этом фоне господ Кудрин и Прохоров предлагают новую операцию массового увольнения. Если им хочется породить у нас ситуацию как в Киргизии, то прошу: направьте их туда немедленно, пусть посмотрят, каковы бывают последствия такого рода бездарной политики. (Г. А. Зюганов. 2010). Оцениваются «воз-

можные последствия действий Кудрина и Прохорова», которые сравниваются с «ситуацией в Киргизии», явившейся следствием аналогичной политики. Оценка выражена прилагательным в форме положительной степени сравнения *бездарный*. Сравнительный характер оценки выражен посредством оборота *как в Киргизии*.

Значение оценочного сравнения может выражаться в сравнительных, сопоставительных, противительных, уступительных конструкциях. Роль эксплицитного выражения сравнительной оценки при этом принадлежит соответствующим союзам (сравнительным, сопоставительным, противительным). Например:

Поэтому, как Горбачёв загубил КПСС, так Зюганов губит КППРФ. (В. В. Жириновский. 2010). Оцениваются действия Зюганова через сравнение с действиями Горбачёва; сравнительная оценка выражена глаголом *губить*; средство выражения оценки союз *как...*, *так*, употреблённый в сопоставительной конструкции.

Папаша — главный консультант губернатора по спорту, а средний сыночек отмывает деньги за границей. (В. В. Жириновский. 2010). Фразеологизм *отмывать деньги* оценивает действия «среднего сына», которые тот совершает, несмотря на «высокий статус отца», предполагающий и моральное соответствие этому статусу. Сравнение эксплицируется союзом *а*, употреблённым в уступительном значении «несмотря на».

Вот уже показываем, что эти люди боялись создать новые партии, ЛДПР не боялась. Это 1989 год. (В. В. Жириновский. 2010). Оцениваются «действия ЛДПР» в противопоставлении «действиям других политиков». Сравнительный характер оценки выражен в противительной бессоюзной конструкции.

Выражение сравнения принадлежит также лексическим средствам. Часто в контексте можно наблюдать оценочное сравнение через сопоставление, противопоставление,

выраженное лексическими средствами, имеющими вид компаративных рядов, где первый(ые) компонент(ы) означает «предмет оценки», другой(ие) — «предмет сравнения (предмет, в сравнении с которым даётся оценка)». Вот примеры наиболее активно используемых в ПД рядов.

Темпоральный компаративный ряд: «период — другой период»:

Обращаю внимание, например, как охарактеризовал 1990-е ваш заместитель Кудрин: как потерянные годы. А двухтысячные? Как период, когда не заложен новый экономический базис. Он фактически признается, что 20 лет — это был путь в никуда. (Г. А. Зюганов 2010). Предмет оценки — «период в 20 лет (с 1990-х по 2000-е)», оценка выражена фразеологизмом путь в никуда, она выводится из сопоставления характеристик двух объектов — «период 1990-х» (потерянные годы), «период 2000-х» (не заложен новый экономический базис).

Чаще временное соотношение проявляется как **«сейчас (сегодня) — прежде (раньше, вчера)»:**

Существовавший прежде порядок приводил к тому, что партии порой создавались просто как коммерческий проект под ключ. Разумеется, что при этом они не могли развиваться как реальные политические силы, а выборы превращались в ярмарку популистских обещаний одноразовых партий и блоков, неспособных предъявить людям какие-либо реальные результаты работы...Сейчас партии становятся реальной силой... (Д. А. 2008). Предмет оценки — «партии сейчас», оценка (реальная сила) даётся в сравнении (противопоставленном) с другим предметом — «партии прежде», характеризуемым как коммерческий проект под ключ.

Компонент «прежде (раньше, вчера)» может конкретизироваться:

Посмотрите сегодня на поселок «Речник» — на наших глазах издеваются над людьми, бульдозерами сносят дома. Царь этого не делал никогда, при советской вла-

сти не делали. (В. В. Жириновский. 2010). Второй компонент (объект, в сравнении с которым даётся оценка) может быть имплицитным:

Нынешняя социальная система (называю её «постсоветизмом») создана...на скорую руку, под давлением Запада и по западным образцам, с таким расчётом, чтобы Россия не поднялась больше. (Советская Россия. 2008. № 7). Предмет оценки — «нынешняя социальная система», оценка выражена существительным постсоветизм. Характеристика нынешняя предполагает сравнение с прежней; кроме того, в самой морфемной организации оценочного слова имеется указание на темпоральную отнесённость.

Локальный компаративный ряд «наша страна (Россия) — другая(ие) страна(ы)»:

Россия, без преувеличения, это страна правового нигилизма. К сожалению, и это я вынужден констатировать как человек, который давно занимается правом, таким уровнем пренебрежения к праву не может «похвастаться» ни одна другая европейская страна, и это явление, уходящее в нашу седую древность. (Д. А. Медведев. 2008). Предмет оценки — «Россия» — характеризуется как страна правового нигилизма в сравнении с «другими европейскими странами», которые не могут «похвастаться» подобным мировоззрением.

Компонент «другая(ие) страна(ы)» часто конкретизируется:

Мы никогда не поборем монополизм в экономике и коррупцию в нашем обществе, если будет монополизм в демократии. Все должны понимать, что это не просто блажь; какой-то партии хочется господствовать много-много лет. Тогда не будет экономики, вы не сможете господствовать. Всё. Ахмадинежад последний раз президент, он не будет уже никогда президентом. Его вторые выборы — в крови страна и все недовольны. То же самое Северная Корея, закончится всё плохо, потому что режим однопартийный. (В. В. Жириновский. 2010).

Компаративный ряд «партия (политика партии) — другая(ие) партия(и) (политика другой(их) партия(й))»:

Но наше отличие от КПРФ, что наш избиратель **новый**. Он стал голосовать добровольно за ЛДПР. У КПРФ — это всё-таки наследство КПСС. (В. В. Жириновский. 2010). Объект оценки «избиратель ЛДПР» — **новый**, стал голосовать добровольно, в отличие от «избирателя КПРФ», который остался в наследство КПСС.

Таким образом, средства выражения сравнительного характера СПО очень многообразны. Это не только прилагательные, наречия в форме компаратива, который сам по себе предполагает сравнение. Это ещё и целый арсенал синтаксических, а также лексических средств. Такой расширенный круг средств выражения сравнительного характера наводит на мысль, что он наиболее свойственен СПО. Это объясняется когнитивными особенностями СПО и прагматическими свойствами политической коммуникации.

Само сопоставление с идеалом (непосредственное (в случае с абсолютной оценкой) или опосредованное, через сравнение с другим объектом (в случае со сравнительной оценкой)) носит особый характер. Для СПО значим лишь общественно значимый идеал (представления об идеальном государственном устройстве, о формах правления, о власти, об отношениях между гражданами общества, о принципах и формах распределения труда в обществе, о положении в обществе граждан и т. п.). В соответствии с этим следует говорить об идеализированной (ценностной) картине политического мира. Следовательно, оценивается соответствие/несоответствие именно её компонентам. Общественно-политическая сфера — та область человеческих отношений, где наиболее активно опосредованное (сравнительное) соотнесение с идеализированной картиной мира, так как идеализированная картина политического мира — та

часть общей картины, которая в наибольшей степени зависима от субъекта, осмысляющего её. Ведь субъекты политической коммуникации — представители разных идеологий, следовательно, у них разные представления об идеальном политическом устройстве. Оценивая политический объект, они не просто соотносят его со своим идеологически окрашенным идеалом, но и сопоставляют с другим идеологически окрашенным объектом. Это, в свою очередь, обусловлено прагматической функцией политического дискурса — воздействовать на адресата, убедить его в правоте своих идеологических убеждений, заставить пойти за собой.

Таким образом, анализ показал, что специфичность СПО проявляется уже на уровне её структуры:

- основание имеет сложный характер, его можно определить как «социально-политическое»; учитывая выявленные особенности, необходимо делать разграничения типа «социально-политическое этическое», «социально-политическое утилитарное» и т. п.;
- объект при всём своём многообразии ограничен сферой общественно-политических отношений. Он обуславливает неоднозначный характер основания СПО, «окрашивая» его, «привязывая» к соответствующей сфере;
- субъект СПО — по преимуществу коллективный, что обусловлено институциональностью политического дискурса. Эта особенность имеет языковые проявления на грамматическом уровне (*мы*-инклюзивное, *я*-инклюзивное);
- характер СПО — по преимуществу сравнительный, что объяснимо идеологической обусловленностью идеологизированной (ценностной) картины политического мира, а также прагматической направленностью политических текстов. Этим объясняется многообразие средств выражения сравнительного характера оценки (не только грамматических, но и лексических).

Уже этот анализ позволяет утверждать, что СПО нельзя отождествлять с другими типами оценки. Хотя, учитывая неоднородность оценочных значений, значность классификационных критериев, следует признать особе место СПО в системе

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: ЯРК, 1999. 986 с.
2. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 1. Уфа: Вост. ун-т, 2000. 200 с.
3. Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский С. В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. 408 с.
4. Ивин А. А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.
5. Карамова А. А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка (вторая половина XX века). Уфа: РИО БашГУ, 2004. 158 с.
6. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. M.: JaRK, 1999. 986 s.
2. Vasil'ev L. M. Sistemnyj semanticheskij slovar' russkogo jazyka. Predikatnaja leksika. Vyp. 1. Ufa: Vost. un-t, 2000. 200 s.
3. Ermakov S. V., Kim I. E., Mihajlova T. V., Osetrova E. V., Suhovol'skij S. V. Vlast' v russkoj jazykovoj i etnicheskoj kartine mira. M.: Znak, 2004. 408 s.
4. Ivin A. A. Osnovy teorii argumentatsii. M.: VLADOS, 1997. 352 s.
5. Karamova A. A. Otsenochnaja obshchestvenno-politicheskaja leksika i frazeologija sovremennogo russkogo jazyka (vtoraja polovina XX veka). Ufa: RIO BashGU, 2004. 158 s.
6. Mihaljova O. L. Politicheskij diskurs: Spetsifika manipuljativnogo vozdejstvija. M.: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2009. 256 s.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka. M.: «ITI Tehnologii», 2003. 944 s.
8. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika. M.: Flinta: Nauka, 2007. 256 s.

О. М. Зайфридсбергер (Мартынова)

ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА В ВОКАЛЬНОЙ ПЬЕСЕ ГЁТЕ «КЛАУДИНА ДЕ ВИЛЛА БЕЛЛА»

Статья посвящена раннему творчеству И. В. Гёте и, конкретно, его ранней вокальной пьесе «Клаудина де Вилла Белла». В работе проводится мысль о тесной связи раннего творчества Гёте как с народной песней, так и с традициями немецкого национального театра. Несмотря на утверждения некоторых западноевропейских исследователей о заимствовании классиком немецкой литературы сюжетных линий и перипетий судеб главных героев пьесы из традиций театров других стран (Испании, например), доказывается, что при создании своего зингшпиля Гёте опирался на давно сложившиеся, устойчивые традиции германского народного театра и постановки средневековых духовных пьес.

Ключевые слова: трагедия, зингшпиль, драматургия, пьеса, текст, традиции.